

УДК 026

DOI: 10.33186/1027-3689-2020-1-45-59

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ БИБЛИОГРАФИИ КАК СИСТЕМЫ СВЕРНУТОГО ЗНАНИЯ

Л. В. Астахова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аннотация: В статье актуализируется концепция библиографии как системы свернутого знания, автором которой в конце 1970-х – начале 1980-х гг. выступил выдающийся советский и российский библиограф, библиографовед, культуролог, педагог, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор Юрий Сергеевич Зубов (1924–2006). Выявлены и охарактеризованы фундаментальные основания этой концепции: 1) формализующие свойства библиографии, позволяющие структурировать и уплотнять знание и информацию о нем, что является императивом для мышления человека, ограниченного пропускными возможностями мозга, временными и пространственными рамками; 2) логика обоснования концепции, базирующаяся на исследовании генезиса научного знания, начиная с античности («энциклопедическое – дифференциация – интеграция»), позволившая ученому показать, что развитие библиографии обусловлено генезисом и структурой содержания научного знания. Отмечено, что обоснованные существенные свойства библиографии (формализующие свойства и генетическое родство с наукой и научным знанием) обуславливают прогностический характер концепции. Доказано, что современная библиографическая деятельность развивается с учетом таких особенностей развития науки и научного знания, как трансдисциплинарность и постнеклассические нормы научной рациональности. Обоснована ключевая роль концепции для развития научных библиотек в условиях трансформации их деятельности.

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г., соглашение № 02.А03.21.0011).

Ключевые слова: библиография, свернутое знание, Ю. С. Зубов, научная библиотека, научное знание, трансдисциплинарность, научная рациональность.

TRANSFORMING SCIENTIFIC LIBRARIES WITHIN THE CONCEPT OF BIBLIOGRAPHY AS SURROGATE KNOWLEDGE

Lyudmila V. Astakhova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract: The author examines the concept of the bibliography as surrogate knowledge. The concept was developed by Prof. Yury Zubov (1924–2006), Dr. Sc. (Pedagogy), a prominent Soviet and Russian bibliographer, researcher, culturologist, in the late 1970s – early 1980s. The fundamentals of the concept are revealed and characterized, namely: 1) formalizing functions of bibliography that enable to structurize and compress the knowledge and knowledge information which makes an imperative for humans' thinking limited with the brain capacity, time and spatial extent; 2) the concept logical justification based on the study of scientific knowledge genesis, beginning in the antiquity (encyclopedism – differentiation – integration). The scholar proved that bibliography development was determined by the scientific knowledge genesis and its content structure. The essential qualities of bibliography (formalizing qualities and genetic affinity with science and scientific knowledge) determine the concept's prognostic character. The modern bibliographic activities have been coopting the features of science and scientific knowledge development, namely transdisciplinarity and postnonclassic science rationality norms. The concept key role in the development of scientific libraries in the circumstances of their transforming activities is substantiated.

Acknowledgements: The paper is prepared through the sponsorship of the RF Government (Decree № 211 of March 16, 2013, Agreement № 02.A03.21.0011).

Keywords: bibliography, surrogate knowledge, Yury S. Zubov, scientific library, scientific knowledge, transdisciplinarity, science rationality.

Концепцию библиографии как системы свернутого знания выдвинул *Юрий Сергеевич Зубов* (1924–2006) – выдающийся советский и российский библиограф, библиографовед, culturoлог, педагог, кандидат филологических наук, доктор педагогических наук, профессор. Эта

концепция появилась в 1981 г. после публикации положений общей теории библиографии, в которой сделан вывод о двойственности библиографии как вторично-документальной информации, регуляторе отношений (соответствий) в системе «документ–потребитель», или – посреднике между ними.

Ю. С. Зубов заметил тогда, что были выявлены и достаточно убедительно обоснованы фундаментальные основы библиографии как вторично-документальной информации и структура ее функций, однако эта теория оказалась «за пределами содержательного анализа библиографии» [1. С. 24]. Именно этот недостающий содержательный анализ ученый и провел в ходе разработки своей концепции. Для него как для библиографа-отраслевика в области художественной литературы и искусства, как и для библиографов научных библиотек, содержание документального знания всегда было главным предметом практической деятельности.

Концепцию библиографии как свернутого знания Ю. С. Зубов обосновал с помощью исследования генезиса научного знания, начиная с античности. На конкретном историческом материале и библиографических примерах он доказал, что развитие библиографии, появление ее видов обусловлено генезисом и структурой научного знания; показал: коренные исторические превращения целостности научного знания характеризуются качественно-хронологическим рядом «энциклопедичность – дифференциация – интеграция». Ученый на примерах проиллюстрировал, что такими же генетическими свойствами обладает библиография.

Так, энциклопедическая библиография «возникла в недрах самой науки как особая ее отрасль, сохраняющая целостность знания и одновременно раскрывающая его растущее предметно-содержательное многообразие» [Там же. С. 29]. Уже тогда она претендовала на такие высоты научного знания, «которые по традиции занимала одна философия» [Там же. С. 28].

В период дифференциации научного знания библиография приобрела «изоморфную ему, “гностическую” (от греч. “гносис” – “знание”) структуру» [Там же. С. 30], поэтому проблема научной классификации знания стала коренной библиотечно-библиографической проблемой.

Наконец, ученый показал, что в период интеграции знания библиография по-прежнему не теряет своего сущностного смысла как система свернутого знания, оставаясь «его специфическим отражением во вторично-документальной форме» [1. С. 38].

Эволюция научного знания – процесс непрерывный, поэтому сегодня качественно-хронологический ряд «энциклопедичность – дифференциация – интеграция» может быть продолжен. Меняющиеся тенденции развития науки и научного знания по-прежнему существенно влияют на развитие содержания библиографической деятельности. Это утверждение основано на том, что возможность существования библиографии связана с уникальным качеством самого знания – его способностью к «уплотнению», «свертыванию». Именно это и показал в своей концепции Ю. С. Зубов. Формализующие свойства библиографического языка не раз впоследствии становились объектом научных исследований.

Известно, что формализацию принято относить к сфере науки. Однако сегодня мысль о необходимости формализации информации в процессе ее передачи звучит уже из уст философов в широком культурном контексте, поскольку «нет другого исторического пути развития человеческого разума и накопления цивилизацией интеллектуальных ценностей, кроме как через использование правил приема, переработки и сохранения информации для дальнейшей передачи». Поэтому *«формализованный подход, ограничивающий объем информационного воздействия, отмечающий все ненужное и неважное, создающий схему, в которую может с наименьшими усилиями уложиться новое знание, оказывается необходимостью для человеческого мышления, ограниченного временными и пространственными рамками»* (курсив мой. – Л. А.) [2].

Авторы подчеркивают: «Формализация, представляемая как система структуризации информации, ...присуща культуре вообще» [3]. Поэтому библиография является, как и в предыдущие периоды истории, такой формализующей системой передачи знания от поколения к поколению. Ее уникальные формализующие (свертывающие, уплотняющие) свойства, обоснованные Ю. С. Зубовым, становятся все более востребованы в современном обществе знания, в котором объемы ин-

формации приобретают критический характер из-за ограниченных пропускных возможностей человеческого мозга.

Сегодня ученые признают: «С гносеологических позиций формализация может быть рассмотрена как метод или прием отражения, позволяющий сделать слепок имеющейся информации, моментальный снимок, образ (от лат. *forma* – «вид, образ»), в котором фиксируются существенные признаки объектов, данные о них, могущие послужить для дальнейшей обработки и получения нового, синтезированного знания» [2]. Поэтому вполне закономерно, что концепция библиографии как системы свернутого знания Ю. С. Зубова, предвосхитившего информационное давление на пользователей из-за «информационного взрыва» [1. С. 35] и показавшего значение библиографии для решения этой глобальной проблемы, была высоко оценена и начала интенсивно развиваться в библиографоведении в 1990-е гг. как его когнитивное направление.

В русле этого направления В. А. Фокеев разработал концепцию библиографического знания [4], Н. А. Сляднева обосновала понятие библиографического метода в системе универсума человеческой деятельности [5], Л. В. Астахова представила библиографию как научный феномен и показала возможности получения нового научного знания с помощью библиографической формализации [6] и др. Сегодня, спустя десятилетия, эти концепции все так же интересны профессиональному сообществу [7].

Не только наука, но и сама библиографическая деятельность вступила в новый исторический этап, как это и прогнозировал Ю. С. Зубов в своей концепции.

Главной характеристикой библиографии как системы свернутого знания в период господства интеграционных тенденций ее развития Ю. С. Зубов назвал «глубокое и многоаспектное индексирование» документа, которое «способствует его автоматическому включению в машинную систему различных связей (содержательно-предметных, хронологических, функционально-целевых, документально-типологических и пр.). Вследствие этого по любому запросу может быть мгновенно сформирован любой библиографический продукт с точно заданными

параметрами» [1. С. 39], обладающий интеграционным, междисциплинарным характером.

Техническое перевооружение и широкомасштабная автоматизация научных библиотек конца XX – начала XXI в. доказали истинность прогнозов ученого. Научные библиотеки первыми приступили к созданию электронных каталогов, их интегрированию в единую информационно-библиотечную систему страны и к предоставлению доступа пользователям к мировым электронным ресурсам.

Благодаря неизменности формализующих свойств библиографии концепция ее как системы свернутого знания в период трансформации науки и научного знания все более актуализируется в научных библиотеках. Особенности современного научного знания являются трансдисциплинарность и изменившаяся в постнеклассический период развития науки рациональность.

Трансдисциплинарность предполагает, что исследования идут как бы сквозь границы научных дисциплин и даже выходят за их пределы. Она характеризуется тремя составляющими: 1) существование различных уровней реальности, стремление понять динамику развития на всех этих уровнях одновременно, создание единой картины видения; 2) включенность третьего, объединение антагонистичных ранее подходов по принципу дополнительности; 3) сложность реальности, заключающаяся в нелинейной организации, «которая воплощается в дискурсе – новой единице анализа актов смыслополагания и смыслопостижения», а также попытки ее понять и с ней справиться [8].

Трансдисциплинарность сближает технологии, науки, искусства, исследования сознания и духовные практики. В условиях современного глобализирующегося мира она способна создать единое интеллектуальное пространство наподобие единого экономического пространства.

Трансдисциплинарные стратегии поддерживают современную инновационную систему организации научных знаний, которая не ограничивается лишь междисциплинарными связями, а «выходит на необходимость привлечения социальных ценностей и регулятивов при гуманитарной экспертизе современных научных проектов, их соотносении как с внутринаучными идеалами, нормами и ценностями, так и с социально-гуманистическими приоритетами и установками» [9].

Современная научная библиотека, согласно этой тенденции развития науки и логике концепции Ю. С. Зубова, должна быть готова к вызовам трансдисциплинарных исследований: к информационному управлению проектами, управлению знаниями в рамках этих проектов и т.д.

Эволюция научной рациональности направлена сегодня в сторону возрастания роли субъекта, средств и операций его научной деятельности, ценностно-целевых структур в научном познании. Современные исследования познания характеризуются трактовкой сознания и бессознательного как способов познания, поэтому функционирование познания и его субъект изучаются сегодня на основании таких принципов, как «1) принцип единства сознания, бессознательного и деятельности и 2) принцип коэволюции индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов» [10]. Следовательно, роль библиотечно-информационного специалиста научной библиотеки как субъекта библиографической деятельности, библиографического познания смыслов текстов (их понимания, передачи и интерпретации в электронных информационных ресурсах) резко возрастает.

Трансформация научной рациональности современного, постнеклассического, периода науки отражается и в изменении высшего принципа научного познания мира. Это – не эпистемологический (знание – цель), а антропный (знание – средство) инструмент, ориентированный на утверждение человека в мире. Если раньше целью познания было знание бытия, то сегодня – знание перспектив творения бытия, отвечающего потребностям человека и рационализации его жизни [11, 12]. Отсюда – потребность в новом виде библиографической деятельности и библиографических продуктов, отражающих новые идеи и разработки, программные продукты и технические средства.

С этим связано и изменение тенденций развития популярного научного знания. В условиях инновационной экономики происходит переход от популяризации научного знания к его продвижению [13]. Сегодня интенсивно развивается рынок цифровых сервисов для продвижения результатов научно-исследовательской деятельности. Так, креативное агентство *Sci Ani Science Animated* (Великобритания) производит контент, который применим для различных вариантов ис-

пользования: от простого объяснения проекта, учебного материала, анимации, сопровождающей опубликованные статьи для повышения ее альтерметрических показателей до коммерческого продвижения инновационных продуктов [14]. Согласно логике концепции библиографии как системы свернутого знания, научная библиотека также не должна оставаться в стороне от этого вида деятельности. Ее потенциал в визуализации информационных ресурсов обоснован в [15].

Сказанное выше свидетельствует о том, что вовсе не случайно современные мировые тенденции развития сетевых технологий характеризуются переходом от «паутины документов» к «паутине данных» [16, 17]. Сегодня, в условиях информационных перегрузок, научный работник не нуждается в традиционном поиске информации по теме проводимых им исследований, поскольку он владеет автоматизированными информационно-поисковыми технологиями и справляется с этим самостоятельно. Поэтому современный период развития библиотек зарубежные коллеги называют периодом «самообслуживания» [18].

Сегодня ученому все больше требуются факты и концепции, а значит существует потребность в новой библиографии как системе свернутого знания о них. Это знание должно активнее структурировать информационную среду, обеспечивать комфортную навигацию в ней и механизмы интерактивного взаимодействия не только на документографическом, но и на фактографическом и концептографическом уровнях, о чем писал Д. И. Блюменау [19]. Именно таковыми должны быть современные библиографические ресурсы научных библиотек. Библиография должна и далее следовать за научным знанием, а библиографический анализ документного потока – меняться согласно тенденциям его развития: все более интегрироваться с фактографическим и концептографическим анализом.

Подобные изменения уже происходят и становятся объектом рефлексии в библиотечно-информационной науке. По утверждению экспертов, «фундаментальные изменения связаны с тем, что библиотеки от традиционных функций обслуживания и информационного обеспечения ученых переходят к функциям распространения, анализа и оценки научного знания. В связи с этим библиотеки активно вовлекаются во все фазы научного исследования, начиная от предоставления доступа к

информации до ее использования при принятии решений» [20]. Службы поддержки исследований, организация научных данных или научной информации представляют, помимо других, новые направления работы научных библиотек [21].

В условиях становления самообслуживающей модели деятельности научных библиотек в зарубежных работах освещается множество новых сервисов. Это научные коммуникационные услуги по управлению данными, публикациями, по исследованию информации и др. Для организационного выживания библиотекарям пришлось разрабатывать новые сервисы не только для существующих пользователей, но и для новых их групп. Традиционный пользователь библиотеки выступает в новой роли – автора и руководителя научных исследований. Новые виды деятельности и процессы необходимы, иначе, по мнению экспертов, научные библиотеки могут стать не более чем традиционным хранилищем для печати [18], о чем и писал в своих трудах Ю. С. Зубов в 1980-е гг.

Зарубежные авторы обращают особое внимание на новые формы участия библиотечных специалистов в удовлетворении исследовательских потребностей ученых. По их мнению, навыки библиотекарей академических вузовских библиотек наиболее эффективны с точки зрения сбора, изучения и демонстрации исследовательских материалов, созданных учеными их учреждений. Хотя многие по-прежнему считают, что библиотекари «не могут иметь» места в их исследовательском процессе, зарубежные авторы весьма оптимистичны в деле развития и принятия новых услуг [Там же]. Как фактор выживания для библиотек рассматривается уже упомянутое управление знаниями [22] и др.

Все чаще научные библиотеки становятся предметом обсуждения как субъекты научно-информационной деятельности. По мнению экспертов, научным библиотекам (прежде всего академическим и университетским) вполне по плечу участие в подготовке не только информационно-аналитических, но и систематических обзоров: поиск информации по заданному специалистом вопросу; выделение необходимой фактографической информации из отобранных специалистами надежных источников; систематизация фактографической информации по

заданной специалистом схеме и подготовка исходного текста систематического обзора; оформление публикации [23. С. 196].

На необходимость смыслового (концептографического, концептуального, креативного, онтологического, когнитивного и др.) анализа текстов библиографами в процессе их работы указывала ранее и Г. Ф. Гордукалова: «Использовать смысловой анализ можно при создании электронных коллекций, обзоров литературы по теме, выполнении сложных запросов, отборе перспективных проектов в библиотеке, при поиске наилучших практик, при подготовке путеводителей по электронным ресурсам, выборе и т.д.» [24. С. 27].

Все эти новые формы и методы работы современных академических и научных библиотек в России и зарубежных странах свидетельствуют об углублении интеграционных процессов библиотеки, библиографии, информации, знания, науки; усилении взаимосвязей библиографии с обслуживаемыми отраслями. Новые направления деятельности научных библиотек все глубже вовлекают их в науку, в систему научного знания и научной деятельности.

Углубление потребностей пользователей в концептографической информации и погружение библиотечно-информационных специалистов в этот вид информации свидетельствуют о том, что и библиография должна становиться системой отражения концептографического научного знания, ориентировочно-поисковой системой по поиску смыслов. Вполне возможно, что мы стоим на пороге появления нового вида библиографической деятельности – смысловой (концептографической, когнитивной, онтологической и др.), в процессе которой библиограф будет сам создавать научные продукты.

Мы согласны с Г. Ф. Гордукаловой в том, что «не так важно, приживется ли предложенный термин, или будет придуман новый... Локализованная задача диагностики смыслов уберезет библиографа и аналитика от обширных обзорных текстов, “пересказывающих” авторскую позицию. Это позволит сохранить профессиональную позицию, нацеленную на осторожное свертывание текста» [Там же. С. 25].

К императиву все более активной интеллектуально-деятельностной позиции библиотечно-информационного специалиста склоняются и зарубежные эксперты. По словам экс-президента Американской библиотечной ассоциации С. Фельдмана [25], в будущем актуальность библиотек и библиотечных специалистов будет зависеть от того, *что они делают* для людей, а не от того, *что они имеют* для людей.

Ю. С. Зубов убедительно доказал: «Если... сохранится дискретная форма фиксации знания, сохранится и потребность в соответствующей *ориентировочно-поисковой системе*, каковой и является библиография» [1. С. 39]. В этом он видит «сущностный смысл библиографии, который был, есть и пребудет неизменным: библиография является системой свернутого знания или, что то же самое, ориентировочно-поисковой системой, предназначенной для использования документальных источников знания в целях общественного прогресса и всестороннего развития личности» [Там же. С. 40].

Сегодня наука по-прежнему нуждается в библиографии как ориентировочно-поисковой системе. Особенность этой системы заключается в том, что приоритетными становятся: 1) поиск не столько документов (и других форм фиксации знания), сколько смыслов знания (новых рациональных идей, разработок, программных продуктов и т.д.) и 2) их продвижение с целью внедрения в практику инновационного развития общества и всестороннего развития личности.

Библиография благодаря этой сущностной взаимосвязи с научным знанием, проявлявшейся на протяжении всей истории ее существования, имеет сегодня шанс успешно решить экзистенциальные вопросы, вызывающие тревогу профессионального сообщества.

Можно с уверенностью сказать, что концепция библиографии как свернутого знания имеет силу библиографического закона, неподвластного времени, поэтому библиографическая деятельность научных библиотек и дальше будет развиваться, следуя за изменениями содержания и формы научного знания. Неслучайно Ю. С. Зубов пишет: «Пока существует само знание в виде дискретных документально-фиксированных источников (текстов), общество будет нуждаться в биб-

лиографии. Может измениться тип книги (кодекса), но едва ли возможно найти замену чтению как главнейшему способу присвоения знаний, выраженных человеческой речью» [1. С. 38].

Имя автора этой концепции – *Юрия Сергеевича Зубова* – навсегда вписано в историю библиографической науки и практики и особенно – в историю деятельности научных библиотек. Концепция имеет большие перспективы дальнейшего исследования и развития в условиях постнеклассической научной рациональности и цифровизации информационных ресурсов научных библиотек.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Зубов Ю. С.** Библиография как система свернутого знания // Теоретико-методолог. проблемы соврем. совет. библиографоведения : межвуз. сб. науч. тр. – Москва, 1981. – С. 23–40.
2. **Лебедева Л. Н.** Тенденция формализации культуры // О-во: философия, история, культура. – 2016. – № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https:// cyberleninka.ru/article/n/tendentsiya-formalizatsii-kultury](https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsiya-formalizatsii-kultury)
3. **Петьков В. А., Похилько А. Д., Губанова М. А.** Социокультурные формообразования: философский аспект // Там же. – 2015. – № 3. – С. 34–38.
4. **Фокеев В. А.** Природа библиографического знания. – Москва : Книга, 1995. – 351 с.
5. **Сляднева Н. А.** Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: Опыт системно-деятельностного анализа. – Москва : Изд-во МГИК, 1993. – 226 с.
6. **Астахова Л. В.** Библиография как научный феномен. – Москва : Изд-во МГУК, 1997. – 338 с.
7. **Кузнецова Т. Я.** Библиографическое знание как инструмент и разновидность научного познания // Роль библиогр. в информ. обеспечении истор. науки : сб. ст. / авт.-сост. Е. А. Воронцова ; отв. ред.: М. Д. Афанасьев, Н. К. Леликова, А. Ю. Самарин. – Москва, 2018. – С. 75–80.
8. **Карташова А. А.** Трансформация и деформация научного знания в связи с расширением научных подходов и методов // Рос. гуманитар. журн. – 2015. – Т. 4. – № 5. – С. 347–357.
9. **Плохинова М. Б., Глотова В. В.** О тенденциях развития современного научного знания // Вестн. Воронеж. гос. техн. ун-та. – 2010. – Т. 6. – № 2. – С. 40–42.
10. **Никитина Е. А.** Познание. Сознание. Бессознательное. – Москва : Либроком, 2011. – 234 с.

11. **Романовская Т. Б.** Объективность науки и человеческая субъективность, или В чем состоит человеческое измерение науки. – Москва : Едиториал УРСС, 2001. – 208 с.
12. **Романовская Т. Б.** Рациональное обоснование внеученого // Вопр. филос. – 1994. – № 9. – С. 23–26.
13. **Покотыло М. В.** Научные коммуникации: от популяризации знаний к научному PR // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации. – 2018. – С. 48–58.
14. **Sci Ani Science Animated** [Электронный ресурс]. – URL: <https://sciani.com/>
15. **Астахова Л. В.** Визуализация информационных ресурсов в условиях цифровизации сферы познания (Обзор) // НТИ. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. – 2019. – № 2. – С. 1–9.
16. **Шрайберг Я. Л.** В поисках объективности. «Карта науки ведет в библиотеку» // Поиск. – 2014. – № 7.
17. **Шрайберг Я. Л.** Время перемен: глобальные информационные тренды и перспективы. Ежегодный доклад Второго международного профессионального форума «Крым–2016» // Науч. и техн. б-ки. – 2016. – № 9. – С. 3–54.
18. **Hutchinson A.** Science Libraries in the Self-Service Age Developing New Services, Targeting New Users. – 2019. – 160 p. – DOI: <https://doi.org/10.1016/C2015-0-04547-6>
19. **Блюменау Д. И.** Проблемы свертывания научной информации. – Ленинград : Наука: Ленингр. отд-ние, 1982. – 166 с.
20. **Гальявиева М. С.** О новой роли научных библиотек в современной информационной среде научной коммуникации // Вестн. КазГУКИ. – 2014. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novoy-rol-i-nauchnyh-bibliotek-v-sovremennoy-informatsionnoy-srede-nauchnoy-kommunikatsii>
21. **Ревес Ж.** Новый взгляд на науку: обзор меняющихся ролей научных библиотек // Междунар. форум по информ. – 2018. – Т. 43. – № 2. – С. 15–24.
22. **Koloniari M., Fassoulis K.** Knowledge Management Perceptions in Academic Libraries // The Journal of Academic Librarianship. – 2017. – Vol. 43. – Iss. 2. – P. 135–142.
23. **Лаврик О. Л., Плешакова М. А., Калюжная Т. А.** Информационно-аналитические продукты в научных библиотеках для информационного обеспечения научно-исследовательской работы // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 32. – С. 186–201.
24. **Гордукалова Г. Ф.** Смысловой анализ текстов // Библиосфера. – 2010. – № 1. – С. 23–27.
25. **Feldman S.** The future of the MLIS: imparting enduring values with changing instruction models // American Libraries. – 2015. – № 46 (11/12). – P. 5.

REFERENCES

1. **Zubov Yu. S.** Bibliografiya kak sistema svernutogo znaniya // Teoretiko-metodolog. problemy sovrem. sovet. bibliografovedeniya : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Moskva, 1981. – S. 23–40.
2. **Lebedeva L. N.** Tendentsiya formalizatsii kultury // O-vo: filosofiya, istoriya, kultura. – 2016. – № 9 [Elektronnyy resurs].
3. **Петьов V. A., Pohilo A. D., Gubanova M. A.** Sotsiokulturnye formoobrazovaniya: filosofskiy aspekt // Tam zhe. – 2015. – № 3. – S. 34–38.
4. **Fokeev V. A.** Priroda bibliograficheskogo znaniya. – Moskva : Kniga, 1995. – 351 s.
5. **Slyadneva N. A.** Bibliografiya v sisteme Universuma chelovecheskoy deyatelnosti: Opyt sistemno-deyatelnostnogo analiza. – Moskva : Izd-vo MGIK, 1993. – 226 s.
6. **Astahova L. V.** Bibliografiya kak nauchnyy fenomen. – Moskva : Izd-vo MGUK, 1997. – 338 s.
7. **Kuznetsova T. Ya.** Bibliograficheskoe znanie kak instrument i raznovidnost nauchnogo poznaniya // Rol bibliogr. v inform. obespechenii istor. nauki : sb. st. / avt.-sost. E. A. Vorontsova ; otv. red.: M. D. Afanasev, N. K. Lelikova, A. Yu. Samarin. – Moskva, 2018. – S. 75–80.
8. **Kartashova A. A.** Transformatsiya i deformatsiya nauchnogo znaniya v svyazi s rasshireniem nauchnykh podhodov i metodov // Ros. gumanitar. zhurn. – 2015. – T. 4. – № 5. – S. 347–357.
9. **Plohinova M. B., Glotova V. V.** O tendentsiyah razvitiya sovremennogo nauchnogo znaniya // Vestn. Voronezh. gos. tehn. un-ta. – 2010. – T. 6. – № 2. – S. 40–42.
10. **Nikitina E. A.** Poznanie. Soznanie. Bessoznatelnoe. – Moskva : Leebrokom, 2011. – 234 s.
11. **Romanovskaya T. B.** Obektivnost nauki i chelovecheskaya subektivnost, ili V chem sostoit chelovecheskoe izmerenie nauki. – Moskva : Editorial URSS, 2001. – 208 s.
12. **Romanovskaya T. B.** Ratsionalnoe obosnovanie vnenauchnogo // Vopr. filos. – 1994. – № 9. – S. 23–26.
13. **Pokotylo M. V.** Nauchnye kommunikatsii: ot populyarizatsii znaniy k nauchnomu PR // Reklama i svyazi s obshchestvennostyu: traditsii i innovatsii. – 2018. – S. 48–58.
14. **Sci Ani Science Animated.** – URL: <https://sciani.com/>
15. **Astahova L. V.** Vizualizatsiya informatsionnykh resursov v usloviyakh tsifrovizatsii sfery poznaniya (Obzor) // NTI. Ser. 1. Org. i metodika inform. raboty. – 2019. – № 2. – S. 1–9.
16. **Shrayberg Ya. L.** V poiskah obektivnosti. «Karta nauki vedet v biblioteku» // Poisk. – 2014. – № 7.

17. **Shrayberg Ya. L.** Vremya peremen: globalnye informatsionnye trendy i perspektivy. Ezhegodnyy doklad Vtorogo mezhdunarodnogo professionalnogo foruma «Crimea-2016» // Nauch. i tehn. b-ki. – 2016. – № 9. – S. 3–54.
18. **Hutchinson A.** Science Libraries in the Self-Service Age Developing New Services, Targeting New Users. – 2019. – 160 p. – DOI: <https://doi.org/10.1016/C2015-0-04547-6>
19. **Blyumenau D. I.** Problemy svertyvaniya nauchnoy informatsii. – Leningrad : Nauka: Leningr. otd-nie, 1982. – 166 s.
20. **Galyavieva M. S.** O novoy roli nauchnyh bibliotek v sovremennoy informatsionnoy srede nauchnoy kommunikatsii // Vestn. KazGUKI. – 2014. – № 1 [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-novoy-rol-i-nauchnyh-bibliotek-v-sovremennoy-informatsionnoy-srede-nauchnoy-kommunikatsii>
21. **Reves Zh.** Novyy vzglyad na nauku: obzor menyayushchihsya roley nauchnyh bibliotek // Mezhdunar. forum po inform. – 2018. – T. 43. – № 2. – S. 15–24.
22. **Koloniari M., Fassoulis K.** Knowledge Management Perceptions in Academic Libraries // The Journal of Academic Librarianship. – 2017. – Vol. 43. – Iss. 2. – P. 135–142.
23. **Lavrik O. L., Pleshakova M. A., Kalyuzhnaya T. A.** Informatsionno-analiticheskie produkty v nauchnyh bibliotekah dlya informatsionnogo obespecheniya nauchno-issledovatel'skoy raboty // Vestn. Tom. gos. un-ta. Kulturologiya i iskusstvovedenie. – 2018. – № 32. – S. 186–201.
24. **Gordukalova G. F.** Smyslovoy analiz tekstov // Bibliosfera. – 2010. – № 1. – S. 23–27.
25. **Feldman S.** The future of the MLIS: imparting enduring values with changing instruction models // American Libraries. – 2015. – № 46 (11/12). – P. 5.

Информация об авторе / Information about the author

Астахова Людмила Викторовна, доктор пед. наук, профессор, профессор кафедры защиты информации Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия

lvastachova@mail.ru

Lyudmila V. Astakhova, Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Information Protection Chair, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
lvastachova@mail.ru